

онной всеобщности всегда был присущ социальной динамике и выражался в том, что нормы и стандарты развития человечества, в том числе и его культурные императивы всегда влияли на локальные национально-этнические и национально-государственные системы ценностей. Другое дело, что современные тенденции взаимосвязи общечеловеческого и локально-национального проявляются не через интегративные факторы взаимодействия, скажем, культур, а через механизмы доминирования некоторых из них по отношению к остальным. В основе этих механизмов лежат техники информационно-коммуникативного превосходства и воздействия технологически развитых государств на менее развитые в этом отношении страны и регионы. В связи с этим проблема культуры информационного общества все последовательнее трансформируется в проблему информационно-коммуникативной культуры как умения синтезировать растущие потоки информации на основе инвариантов национального культурного и образовательного опыта и соответствующей ментальности сознания, с одной стороны, и как способности экстраполировать результаты культуротворческого процесса за пределы их локального значения, с другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия в современной культуре. Новые перспективы: Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2004. № 4.
2. Франк С. П. Духовные основы общества. М., 1992.
3. Садовничий В. А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вестник Московского университета. Сер. 7. 2006. № 4.
4. Шрейдер Ю. А. Социокультурные и технико-экономические аспекты развития информационной среды // Информатика и культура. Новосибирск, 1990.

Lazarevich A. A.

DEVELOPMENT OF CULTURE IN THE INFORMATION SOCIETY

The tendencies of intercultural cooperation, conservation and development of culture in the conditions of formation of the global information society are considered in the article.

У-МЕСТНОСТЬ МЕСТА

Морозов И. В.,

доктор культурологии, профессор, Белорусский государственный университет культуры и искусства

Объективный, естественный процесс, который мы называем глобализацией, имеет два принципиальных, можно сказать, компенсирующих друг друга вектора-противохода. Один — экстратерриториальный подвигает культурологическое единение действительно в планетарном масштабе, что грозит нивелированием под более экспансивные культуры. Поэтому имманентно крепнет другой — интратерриториальный вектор, провоцирующий самоидентификацию и укрепление национальных и даже региональных, локальных культур. Так что мы переживаем диалектику разъединяющего объединения, что имеет, коль уж оно диалектично, внутреннюю конфликтность. Но это плодотворное сопротивление, поскольку заставляет внимательно, со всесторонним пониманием проникнуться и способствовать благому развитию обоих векторов.

Нас, например, интересует наша национальная самобытность, содержание «белорусскости» и то место, что мы можем занять в европейском и общемировом культурологическом контексте. Здесь новой интерпретации подлежит проблема «тутэйшага», исконного обитателя земель, земель не завоеванных, но унаследованных от пращуров, где белорус живет, «как жил тут извечно» (Янка Купала). Причем живет «своим умом», не умея жить умом чужим. Вот его духовный иммунитет против любой «глобализации». В добровольной привязанности к родному Месту во всех его материальных и, главное, духовных ипостасях.

«Здесь» и принципиально важно «теперь» — жить в гармонии со своим Местом, жить настоящим, бескорыстно вбирающим «до» и «после», т. е. всякая новация «у-местна» и нет «страха истории». Это мировоззренческая концепция, обостряющая проблематику традиции, культурной самои-

дентификации и даже экологии, включающая «экологию души». Концепция, которая уже есть, крепнет в национальном духе вне зависимости от потуг на поприще формулирования национальной идеи. Ее, кстати, невозможно «выработать» в принципе и тем более навязать, к ней, вызревающей подспудно, можно прислушиваться и ей следовать, способствовать.

Жить в-Месте — по-белорусски. Отсюда наша неагрессивность и толерантность, чаяние быть хозяином и «толком», естественность и семейственность, трудолюбие и скромность, терпимость к невзгодам и незаносчивое самоуважение, «языческое христианство», отыскивающее правду жизни, свое Место среди естества. «Звери, ходящие в пустыне, знают ямы своя... Тако ж и люди, где зродились и ускормлены суть в бозе, к тому месту великую ласку имають» (Ф. Скорина).

Потому как белорусу, почитавшему за высшую благодать свою скромную хату, «дабравыт» своей семьи, вросшему могучими корнями в свою родную землю, эта гео-местность в высшей степени содержательна. То, чему мы даем имя, мы имеем, и оно для нас имеет место быть. Пространство мы никак не называем, хотя мы можем назвать безвоздушным, безлюдным и т.д. Но Место мы можем назвать (и непременно называем), потому что оно содержательно.

Место по-древнегречески — «топос», что передает некое статичное состояние. Однако славянские языки взяли себе также древнегреческое, но сущностно другое понятие — «местос», или «наполнение», вкладывая в него сопричастность человека в местотворении, наполнении некой пространственно-временной определенности человечеством. Отсюда наши места и «местечки» — непременно преисполнены обитанием-бытованием человека, изначально своеобразной тотемностью, которая до сих пор выказывает себя в топонимике. У белорусов «змест» и «мястэчка» — слова-образы однокоренные с «местом», не «поверхностны», но содержательны как результат отвоевания у немого физического пространства одухотворенного Местотворения.

Белорус самозабвенно предан родным «мясцінам» — со всеми предками и потомками, традициями, узаконенными именно Местом, вбирающим неповторимую и сакрализованную судьбу — все, что исполнилось по божьей воле, что есть и что будет на этой и только этой Земле, только Тут, исключительно Здесь, что делает второстепенным религиозную или государственную принадлежность: «Я просто здешний человек». Он не понимает даль, она его особо не манит, потому он и не страдает страстью к «перемене мест». Стоять бы твердо на своем, нерушимом Месте. И не терять его, всегда чувствовать под ногами, в душе. Отсюда приходит трепетное, интуитивное, прямо-таки восточное понимание, смутное предчувствие, что свое сокровенное Место — не за тридевять земель, а «там, где мать протяжным ладом тихо песню напевала» (Янка Купала).

Во всех пластах белорусской культуры — в устном творчестве, в обычаях, в традиционном отношении к себе и жизни трудно отыскать почву для радикализма, экспансии, подражательства. Безразличие к революционным нововведениям — признак не нашего ренебрежения к будущему, но уважения к настоящему, укорененному в прошлом. Так что получается: у нашей национальной идеи минувшее и будущее в «теперь» и «здесь». Генетически, можно сказать, мы — по-все-дневные ТУТземцы. Отсюда у нас так крепки языческие «пережитки», которые, собственно, и зиждутся на идее-духе Места. И сегодня трудно, думается, толком объяснить истому белорусу, вросшему в свою родную землю, пусть и была она временно «под паном», Христов зазыв: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19.29-30).

Наша здешность-теперешность, тутошность-нынешность дает право, способствует культурной идентичности, чем и уважать себя заставит. Может, именно она — незримый атрибут нашей непреходящей духовности, о чем мы не перестаем убеждать себя и других, порой не находя убедительных аргументов. Мы должны сами увидеть эту свою у-местную самобытность, которая в мировоззренческом плане может стать своеобразным проблесковым маячком после Заката Европы. Потому как написанная со своего Места наша картина мира одинаково понятна и европейской «философии жизни», экзистенциалистике, и восточному постижению мира «вблизи родного Дома».

Уникальное единение, если хотите, культурологическая уния — истое достояние нашей культуры. Она позволяет без особой опаски глядеть в глаза «глобализации», иметь от нее благой урожай, причем опять-таки здесь и сейчас. Независимая Беларусь — это только один из ее ранних плодов, вкусив который мы уже не преминем занять достойное, самобытное Место в человеческом сообществе, не растрчивая к нему «великую ласку». Иначе говоря, тягу к нему, в том числе, и познавательную.

Тогда мы вправе забыть «культурное пространство», опутанное веригами физикализма и духовного безразличия. Концепция Места, напротив, выразительна, задушевна в отношении Личности,

Семьи, Этнoса, Челoвечества. Вeдь мир наш, пo сути, фeнoмeнaльнaя цeлoкoпнoсть Мeст, в кoтoрoм удивитeльнoм oбрaзoм слиты сaмыe слoжныe нyoнcы нaшeгo бытия, чтo нaчинaeтcя c мeнтaльнoгo выcтpaивaния слoжнoй иeрaрхии Мeст: знaкoмыe, знaчимыe (знaмeнитыe, пaмятныe, любимыe, зaгaдoчныe, ужacныe, интeрeсныe, выгoдныe, дoстoинныe...). Нaкoнeц, вceй силoй cвoeгo дyxoвнoгo cущeствa мы oбрeтaeм Мeстa рoдныe, зaпoвeдныe, cвящeнныe. Тaкoe мирoчувcтвoвaниe пoдвигaeт прeoдoлeть нaвeдeнныe нaшим жe рaциo гpaницы мeжду «мaтeриaльнoм» и «дyxoвнoм», «ecтeствeннoм» и «aнтрoпoгeннoм», и тeм oдaривaeт нac вoзвышeннoм чувcтвoм чeлoвeкa-в-миpe, кaк уникaльнoм Мeстe в тaинcтвeннoй co-в-мecтнocти Вceлeннoй. Кaк co-Бытия в бeзвpeмeнe.

И вo Врeмeни вoзмoжнo нaйти cвoe Мeстo, вeдь «ecли мecтo ecть в прocтpaнcтвe, тo врeмя тoжe имeeт cвoe мecтo» (М. Хaйдeггeр). Пoэтoму мы гoвoрим oб у-Мecтнocти вo врeмeни, пoнимaя нecлyчaйнocть, зaкoнoмeрнocть нeкoгo мoмeнтa в coбытийнoй чeрeдe Врeмeн. Тoгдa и в нeй oбнaруживaeтcя внyтpeнняя иeрaрхия, именуeмaя Судьбoй и Бытиeм в цeлoм, тaкими уникaльнoми и oднoврeмeннo уникaльнoми. Тaк чeлoвeк прeдстaeт мecтoимeниeм и мecтoтвoрцoм, oткрывaя, aнимируя, oдyxoтвoряя ceбя кaк Мeстo в мнoгoличнocтнoй co-в-мecтнocти. И, cooтвeтcтвeннo, прoявляя к этoму прocтpaнcтвeннo-врeмeннoму пpoизрaстaнию зaбoтy, любoвь, вcячecки кyльтивирyя eгo, вcякий рaз вoврeмя пeрeхoдa, c Мeстa-coбытия нa Мecтo-твoрeниe. И тaк дeлaя вcю cвoю жизнь-твoрчeствo нeпринyждeннo у-мecтнoм.

Нe пoдвигaют ли эти cooбрaжeния признaть у-мecтнoм, aктуaльнoм кyльтурoлoгичecкoe прoникнoвeниe в экзистeнциo-фeнoмeн Мeстa, дaбы c нeгo увидeть cамыe рaнниe прeд-мecтья глoбaлизaции и мecтo ee «нaзнaчeния»?

Morozov I. V.

APPROPRIATENESS OF PLACE

Meeting the challenges of modern world, each ethnic culture works out an adequate response. In spite of their external difference, they are a part of the universal paradigm MESTOS, which sets for each cultural individuality its own place in the space-time continuum; it helps to take roots in the world context and gain extra impulses for understanding and developing its originality. For Belarusian culture this paradigm seems to be the most adequate – appropriate and timely.

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ БЕЛАРУСИ

Осипов А. И.,
заведующий кафедрой философии Института подготовки научных кадров НАН Беларуси,
доктор философских наук

В нашей республике взят курс на инновационное развитие. Чаще всего под инновационным развитием понимается научно-техническое развитие — разработка и внедрение наукоемких технологий, что позволит обеспечить конкурентоспособность нашей экономики за счет повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции, улучшения ее качества. Все это дает возможность повысить уровень жизни наших людей, их материальное благосостояние, а в определенном смысле и качество жизни (уровень здоровья населения, продолжительность жизни, качество окружающей среды и т.п.).

Однако нельзя сводить инновационное развитие к научно-техническому прогрессу, ибо это порождает опасность технократического уклона, создает угрозу потери человеком глубинных экзистенциальных основ своего бытия. Уже сейчас во многих странах, в том числе и у нас, наблюдается тенденция формализации межличностных отношений, что выражается в сведении диалога, живого общения к формальной коммуникации. В результате выхолащивается смысловая многомерность человеческой бытийности, которая редуцируется до уровня суетливой событийности, скольжения по поверхности жизни с погружением в виртуальную реальность. Специалисты психологии и психиатры все чаще бьют тревогу по поводу компьютерной зависимости, в которую попадает все большее количество людей во всем мире. В итоге человек может превратиться в некоего интел-